

А. Манвайлер

12+

АБУ

Будь собой

Елена Манвайлер

Абу. Будь собой

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Манвайлер Е.

Абу. Будь собой / Е. Манвайлер — «ЛитРес: Самиздат», 2018

История любви и жизни Алёны и её гоанского мужа Абу - это философский автобиографический роман. Индия - самая толерантная и веротерпимая страна. Это единственная в мире страна, получившая независимость бескровно. Но во что мы превращаем все наши завоевания и что происходит сегодня? Гоа - прямо или косвенно это Вавилон Азии, это стартовая площадка для обретения себя всеми задействованными персонажами в сюжете. Именно сюда стекаются искатели себя всех конфессий со всего мира, ведомые желанием вовремя задать себе нужные вопросы и найти ответы. Понять и принять себя.

Содержание

Заповедь	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Современная реальная история поисков себя в нашем мире. Это философский, автобиографический роман россиянки Алёны, как она впервые увидела Гоа и как из туристки превратилась в местную жительницу. В самом маленьком штате Индии отражаются целые пласты внутренних человеческих культур, менталитетов и взаимоотношений.

Гоа – прямо или косвенно это Вавилон Азии. Именно сюда стекаются искатели себя всех концессий со всего мира, ведомые желанием вовремя задать себе нужные вопросы и найти ответы. Это способ разобраться в себе и начать действовать не так, как хотят от нас другие, а так, как мы сами считаем нужным, правильным. Ведь Бог (кем бы он ни был) любит нас такими, какие мы есть, как детей своих.

Во всём мире нет более веротерпимой и толерантной страны, чем Индия. Это единственная в мире страна, получившая независимость бескровно, Индии есть чем гордиться. Но во что мы превращаем все наши завоевания и как ими распоряжаемся? Человек и общество, личность и система – в популярнейшем международном туристическом курорте Индии – Гоа.

А. Манвайлер

Заповедь

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятение всех,
Верь сам в себя, наперекор Вселенной,
И малодушным отпусти их грех;
Пусть час не пробил, **жди**, не уставая,
Пусть лгут лжецы, **не снисходи** до них;
Умей прощать и **не кажись**, прощая,
Великодушной и мудрей других.

Умей мечтать, не став рабом мечтаний,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно **встречай** успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься тих, когда твоё же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена, и снова
Ты должен всё воссоздавать с основ.
Сумей поставить, в радостной надежде,
На карту всё, что нажито трудом,
Всё потерять и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том;
Сумей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Всё пусто, всё уже давно сгорело.
И только Воля говорит: "**Иди!**"

Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и прост с врагами и друзьями,
Пусть все, в твой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, —
Тогда **весь мир ты примешь**, во владенье,
Тогда, мой друг, ты станешь Человек!

Р. Киплинг

Глава 1

Алёна. Возвращение в Москву

Радужная жизнь прошла. Бледная, заплаканная, похудевшая на десять килограмм за последний месяц, я больше никуда осознанно не стремилась. Я отдалась течению жизни, и меня уже не привлекали никакие жизненные перемены. Создавать себя заново у меня уже не было желания потому, что я не имела больше никаких целей. Мне нужна была срочная трансформация, но концентрироваться, ни на чём я не могла. Поэтому я просто отдалась потоку. Процесс жизни уже проходил безучастно, удовлетворения от жизни было ждать напрасно. Все ресурсы были исчерпаны. Я больше не хотела ни прислушиваться к себе, ни вглядываться в мир со стороны. Всё равно новых горизонтов для меня больше не было, а текущие только расстраивали. Я избавилась от предрассудков и разочаровалась в свободе, которую выстрадала. Я чувствовала себя снова куклой, роботом, запрограммированным неизвестным кукловодом.

Не только мой чёрный кудрявый хвост из волос безжизненно свисал по плечи, но и семь счастливых лет также мёртво оставались за спиной, и только солнцезащитные очки напоминали о светлом, солнечном прошлом жизни в Гоа, Индии, где я по-настоящему любила. Я находилась в прострации: всё шло не так, как бы мне хотелось, хотя в моём состоянии говорить о каких-либо желаниях было бессмысленно. Прошёл один месяц, как опустела без Абу Земля.

Наступило 16 февраля – день моего отъезда из вечного лета Гоа в зимнюю Россию. Проводить меня настоял Раджив Антао, муж младшей сестры Абу. Сама сестра Дезире улетела уже в Кералу по своим делам. Радж явился на офисном авто сам за рулём. Казалось странным, что лишившись личной машины, своё решение Радж не отменил, даже после аварии в день карнавала – панихиды, только чтобы лично отвезти меня в аэропорт.

По дороге в окне с заднего сидения машины мелькали знакомые картины вдоль дорог, хранящие живые истории с моим любимым Абу. Но всё казалось безжизненным. Разговаривать мне совсем не хотелось, мыслями я была далеко, а глазами вбирала последнее солнце и бесконечную яркость пейзажей моей приветливой Индии, которую, возможно, я ещё не скоро увижу. Увижу ли?...

Из оцепенения меня вырвал визг тормозов и замедленная, как в кино, картина аварии, разворачивающаяся прямо у нас на глазах: огромный жёлтый расписной «под хохлому» грузовик, дико визжа тормозами, влетел в синюю малолитражку. Уже привычная картина. Слава Богу, обошлось без жертв. Радж старательно выбирался из моментально образовавшейся вокруг пробки, внедряясь в какофонию сигналов окружающих скутеров, авто и рикш.

Наконец, выбравшись из плотного потока, мы подъехали к зданию аэропорта «Даболим». Выйдя из машины, наблюдая, как Радж извлекает из багажника мои вещи, я не сдержалась и заревела. Всё стало чужим, я перестала узнавать знакомые мне места, я потерялась. Меня пронзила некая резкая, абстрактная перемена, меня переключили на другую программу. Как я могла так внезапно измениться? А если не я, то что? Этот город, природа, аэропорт? Предстояло выбирать. Всё поменялось: впервые за несколько лет, меня провожал не любимый, не Абу. Из последних сил я пыталась остановить поток слёз и гнетущие мысли, судорожно ища ответы на уже давно заданные вопросы: "А что дальше? Вернусь ли? Как жить?"

Одиночество. Очень вовремя меня посетило осознание того, что способность хорошо переносить одиночество – это показатель духовной зрелости, что всё самое лучшее мы делаем, когда находимся в одиночестве. И если любовь меняет человека быстро, то отчаяние – ещё быстрее. Только не впадать отчаяние – приказала себе я, ибо, *«заблудиться – это наилучший способ найти что-нибудь интересное» П. Коэльо*

Радж, выгрузив вещи из авто, душевно обнял меня, приговаривая: «Алёна, возвращайся обязательно! Мы все будем скучать, и ждать тебя» Совершенно отрешённо, я достала паспорт и распечатанные электронные билеты, иначе в аэропорт не пускают. Прошла проверку у стоящих на входе военных с оружием, всматривающихся больше в бумажки, чем в лица, делая это рутинно, но очень дотошно, и двинулась к стойке регистрации.

Наконец, все формальности были пройдены и впереди, зал ожиданий.

В зале локальных рейсов было много народа. Среди них стояла маленькая длинноволосая индийская девушка, подруга по несчастью, – Амрита. Она специально взяла билет на то же число и то же время, что и я, только – в Дели. Амрита даже несколько раз прибежала и высматривала, как продвигается моя очередь на регистрацию.

В это время мне позвонил Радж, и попросил отдать ключ от нашей с Абу квартиры – Амрите. И, хотя у родственников Абу уже была целая связка ключей от всех квартир и мотоциклов Абу, Радживу зачем-то понадобился ещё и мой ключ...

На меня с новой силой нахлынули чувства. А если я через несколько месяцев или через несколько лет вновь очнусь изнурённой, разочарованной среди новых руин? Хочу ли я этого?

Конечно же, подсознательно я понимала, что этому предательству больше не будет конца, но усилием воли я отогнала от себя подозрения. Я оставила последнюю надежду на то, что в этих людях есть ещё что-то человеческое. Заперев мысли в тёмном чулане в недрах своей души, я запретила себе думать об этом вообще, дабы не терзать себя больше. «Прими все и вся таким, как есть! Смирись» – твердила я себе.

Наконец, пройдя все оставшиеся контроли и процедуры, я оказалась с Амритой вдвоём: одни в аэропорту, среди толп улетающих, совсем одни. Молча, обнялись. Ещё недавно такие счастливые и полные жизни, сегодня разбитые, усталые и опустошённые – две вдовы. Вдруг снова Радж, словно подтверждая всю нелепость окружающего нас мира, позвонил уже Амрите с просьбой забрать всё тот же ключ.

С некоторым фаталистическим безразличием я отдала ключ от своей счастливой прошлой жизни Амрите, а она, также молча, его приняла. «И это пройдёт», – подумала я.

Стиснув зубы, я освобождалась от приступов очередной меланхолии, причины которой мне слишком хорошо были известны. Обнявшись, мы недолго постояли, обмениваясь дружескими эманациями, готовясь улететь навстречу новой, неизведанной, полной тайн и загадок жизни, и, возможно, великих свершений.

Я почувствовала в себе источник неуёмной энергии находящийся сразу и внутри меня, и снаружи. Надо только было найти путь к полезной трансформации этой яростной энергии, рвущейся наружу. Чтобы сформировать человека, Богу нередко приходится испытывать его. «Будь собой», – сказал мне Абу в эту последнюю новогоднюю ночь. Что Он имел в виду?

Именно в этот момент я осознала, что мой Путь, моя Сила – в смирении. Независимо от того, кем люди являются, все мы сталкиваемся с одними и теми же явлениями жизни и смерти. И я загадала, что если переживу всё это, то я непременно должна поделиться полученным знанием с другими людьми. Может, кому-то я помогу «открыть глаза», и возможно, именно этот мой опыт поможет кому-то познать мир других людей, а мне – себя. Но как только находились ответы – менялись вопросы.

А судьба продолжала быть последовательной во всём: рейс в Мумбаи задержали. Когда Амрита уже улетела, я сидела в ожидании ещё полчаса притом, что вылет моего рейса по расписанию стоял на полчаса раньше. На самом деле, это нормально для индийских внутренних рейсов.

Хоть я была и потеряна, но осознавала, что нахожусь всё ещё в Индии, вместе с хороводом былых весёлых историй о поездках по стране. Вспомнилось, как мы были с Абу в музее индийских железных дорог, в Дели. Почему-то ни на одном экспонате там не демонстрировали

«зацеперов», людей, висящих гроздьями на крышах вагонов, как в индийской реальности. А ведь это неотъемлемая, современная часть особенностей Индии.

В получасовой задумчивости ожидания я мысленно барахталась в историях без начала и конца. Поезда на индийских железных дорогах раньше могли опаздывать на сутки и больше. Так, 4 года назад, когда Абу ехал встречать меня в Дели из Гоа, его поезд опоздал на 6 часов, потому что в индийском штате Раджастан их поезд сбил верблюда. Абу рассказывал мне, что он видел своими глазами, как ожидание и разборки утомили пассажиров, и они выскочили из поезда и там же, прямо на месте освеживали ещё тёпленького верблюдика. Кто-то оставил мясо про запас, кто-то тут же развёл костёр и занялся приготовлением спонтанного шашлыка! Невероятная Индия. Каждый день есть чему удивляться. А вот, наша подруга Лейла взяла билет до Дели на последние деньги и в последнюю неделю до конца её визы: есть такая крайность у наших туристов полагаться на "русский авось". Так вот, Лейла не уехала вообще, поезд отменили из-за забастовки в штате Гуджарат, где люди просто вышли и сидели на рельсах, как птицы на проводах.

Раздумья прервало объявление моего рейса. Пассажиры довольно быстро запустили. Тучные фигуры задевали меня локтями, утрамбовывая самолётные локеры под завязку, громко разговаривая и суетясь, как пчелы в улье. Я же сидела в кресле, молча, размышляя о превратностях судьбы. *Самые важные слова в своей жизни мы произносим молча.*

За размышлениями два часа для меня пролетели, как мгновение. В Индии, вообще, время течёт ощутимо иначе. Весь полёт, мне всё время казалось, что я наконец-таки ухватила за хвост тот самый ответ, вопрос к которому задала давно, но всё не могла подобрать решение. Что-то трогало мои струны израненной души во фразе Пауло Коэльо: *«Иногда нужно умереть, чтобы начать жить»* Я тщетно старалась отделаться от этой мысли. Но она осталась сидеть во мне, гнетущая, мучительная. Мне предстояло умереть.

Мумбаи. Получив свой багаж, я огляделась и поняла, что прилетела не в тот аэропорт. Терминал локального вокзала был предназначен только для местных перелётов, поэтому требовалось срочно спешить в международный аэропорт.

Волоча по улице свой багаж, становящийся с каждым шагом всё тяжелее, я старалась не отвлекаться на боль в спине и глазами искала рикшу. Сзади меня кто-то окликнул, обернувшись, я увидела таксиста, который предлагал свои услуги перевозчика.

– Нет спасибо! – ответила я на хиндуглийском, уверенно двигаясь дальше – Я ищу рикшу!

– Здесь нет рикш! – крикнул неуверенно вдогонку таксист. – Нот эвелибл!

И видя, как очередная денежная жертва удаляется, таксист в сердцах сплюнул прямо на вымощенную дорожку, у аэропорта, красно-жёлтой слюной. Я уже знала, что это из-за «бетеля» такого оранжевого орешка, узаконенного наркотика для бедных. Бетель способствует обильному слюноотделению и лёгкому наркотическому эффекту, вызывая стойкое привыкание. Со временем дёсна и зубы становятся оранжево-красными, розовеют и мутнеют белки глаз, потом зубы и вовсе выпадают, а глаза начинают понемногу слепнуть. Каждый второй таксист в Индии жуёт или засыпает в рот уже измельчённый порошок этого дешёвого зелья, якобы, чтобы не уснуть за рулём. На самом же деле эффект от него сродни опьянению.

Самостоятельно докатила багаж до стоянки рикш, зная точно, что таксист просто врал, что их здесь нет, но меня уже давно ничего в таксистах не удивляло. Дальше: 14 км по шумному, пыльному, загазованному мегаполису. Поездка между аэропортами на рикше произвела нужный мне на тот момент эффект: резко переменила моё состояние, быстро протрезвив, полностью погрузив в суету города, звуковую какофонию и индийский стиль езды. Не только в России две беды: дураки и дороги, давно прибавилась третья – дураки на дорогах.

С рикшей я расплатилась по счётчику последней оставшейся сотней – 84 рупии. В Гоа за такую поездку пришлось бы отдать минимум 500 рупий. В Бомбее расценки другие, более гуманные, однако это относится только к такси.

На стойке регистрации неожиданно выяснилось, что мой билет позволяет провезти в багаже с собой лишь одно место не более 23 кг. Тут я начала паниковать, этот день и так дался мне нелегко. Но что, же делать? Куда девать дорожную сумку с такими нужными для меня вещами: кисточки, подставки, палитры? Паника уступила место вроде уже ушедшим слезам, и у меня снова началась истерика.

Я покинула очередь, пытаюсь собраться с мыслями.

Решение, как всегда банальное и не подкупающее своей новизной, вылилось в сумму 7100 рупий доплаты за второе место багажа. Нужны были индийские рупии. Пришлось поменять валюту по грабительскому курсу и, я получила сразу два билета: Мумбай – Брюссель и Брюссель – Москва.

Сидя на последнем ряду салона самолёта с двойными сидениями прямо перед туалетом, я съежилась под покрывалом. Меня лихорадило, как от преддверья лютого холода, так и от мыслей о своей будущей судьбе. Сказывался перенесённый за последний месяц стресс.

Весь полёт я провела, в полубреду. Теперь я была одна. Но не совсем одна, была всё ещё эта мысль, она была рядом, Чёрной дырой в иллюминаторе. Я была с Абу, в его небесном царстве. Он был так близко ко мне, что мог даже обнимать меня. Мы снова были вместе, как и не разлучались. Быть собой, значит, как минимум, я ещё есть.

Девять часов полёта прошли, как один. Часы истекли, я не удерживала их и не торопила. Хотя иногда хотелось, чтобы ВСЁ исчезло быстрее и навсегда. За время полёта меня вырвали из этой желанной дрёмы только один раз, чтобы предложить самолётную пищу. Отказалась. И снова проваливалась в сладкое забытие, где со мной был Абу, такой живой, такой близкий и жизнерадостный. Мне хотелось к нему, за иллюминатор, в эту Чёрную дыру. Сумасшедшая скоростная пятилетка нашей совместной жизни с Абу пронеслась передо мной за 9 часов полёта. И я снова приобретала редкий и драгоценный потерянный смысл в дар от Абу. Смыслом явилась Любовь.

Брюссель. Морозный воздух заставлял лёгкие выдыхать пар – давно забытое и неприятное для меня чувство. Вместе с мгновенной аллергией на холод, вся моя суть содрогалась от кончиков пальцев до самой макушки. Будто тысяча морозных иголок разом пронзали всё моё тело, заставляя судорожно передёргивать плечами. Но всё также бесконечно мелькала одна и та же, мысль, и вот Конец уже сливался в одно с Началом. *Необходимо умереть, чтобы начать жить.* Я чувствовала важность момента, что он предваряет что-то значительное.

Ещё через несколько часов я уже взлетала из сонного благополучного Брюсселя в сторону Москвы. В иллюминаторе уже забрезжил рассвет, и были видны огромные электрические ветряки, зеленая трава вперемежку с вензелями дорог. Солнце, появившееся из-за горизонта, охотно ослепляло через иллюминатор, но абсолютно не грело. Командир корабля выдал совсем не радостную весть, о том, что в Москве минус семнадцать. На стеклах иллюминаторов появились кристаллики снежинок. Они красиво искрились, как белые звёзды на фоне синего неба, а солнце их подсвечивало, как театральная рампа, такие красивые, даже нежные, но такие холодные.

Со скоростью Боинга брюссельских авиалиний, на меня надвигалась отчизна. В самолёте ли, в самом ли деле, но мир вокруг меня вдруг уплотнился, слились все звуки и формы, я не понимала, что меня окружает, кто я, где я, что происходит? Я становилась беспомощным обломком. Оставалось только умереть.

«Прошлого в карман не положишь» Сартр. Я вся оцетинилась на посадке, в Домодедово, когда заложило уши. Даже самолёт успел уже остановиться, когда я обнаружила себя напевающей сквозь зубы, но достаточно громко, любимую песню Абу «Волшебный мир» Армстронга. Пассажиры вокруг, судя по их лицам, чувствовали фальшь.

Внезапно меня будто кто-то встряхнул за плечи, раздавая приказания окружающим меня предметам: вернуть меня в мир, наполнить им. Я выпрямилась с улыбкой – мне хотелось одного – быть свободной. С некоторых пор я слишком часто запоминаю свои сны.

Глава 2

Открытие Индии

«Для нашего счастья то, что есть в человеке, несомненно, важнее того, что есть у человека»

Шопенгауэр

Москва 2010 г. Изначально знания заложены во всяком человеке. Игра жизни в том, как их добыть, эти ископаемые души? Ведь инструкций нет. Поэтому заниматься рационализацией собственного «Я» приходится каждому самостоятельно. В процессе создания нового Аватара себя, всем приходится сталкиваться с массой сомнений. Это нормально. Единственное, с чем я так и не научилась справляться, так это с собственной лунозависимостью. Самые мощные полнолуния в моей жизни всегда влияли на ход событий. Биоэнергетика и астрология бессильны перед простой человеческой жизнью, т. к. её невозможно систематизировать. Погрешности во времени могут достигать временного отрезка от земного мига до космических лет.

В разные фазы луны моя чувствительность обостряется порой до физической боли. Эмоции доходят до наивысшей отметки. Обуздать свою болезненную эмоциональность становится невозможно. Делаюсь жёсткой, воинственной и решительной. Полнолуние вызывает у меня самые большие взлёты и падения. Возникает упорное желание достичь вершины, даже при ошибочном выборе этой вершины. Хочется добиваться и рисковать. Импульсы не поддаются коррекции. Наступает время реализации самых скрытых желаний и планов. Стабилизировать эмоциональный фон в такое время для меня невозможно. Как иначе объяснить чудеса и мои видения, сопровождающие полнолуния?

Как у Хорхе Луиса Борхеса, который стал моим любимым писателем, с момента как, его книги попали мне в руки, я уверовала в сеть расходящихся, сходящихся и параллельных троп. Иллюстрацией этих лабиринтов была моя собственная жизнь. Его персонажи, как и я, никогда не искали смысла жизни, никогда не забывали, что для человека вероятность найти своё оправдание или какой-то его искажённый вариант равна нулю. Они просто жили и наслаждались жизнью, они свободны от систем. Языки? Любой произнесённый слог на одном из языков означает могущественное имя Бога. Когда я прочла сюжет «Роза Парцельса», то стало понятно, что мои: общество, семья и окружение в России, сделали «из своей жизни какую-то отвратительную историю болезни, а из своих дарований – какие-то несчастья» Г. Гессе Глупо изменять мир, который создан не нами. Революции надо делать в собственной эволюции

Важен не тот день, когда ты появился на свет, а день, когда свет появился в тебе. Как только я формулировала для себя конкретную цель, задачу, тут же начинались чудеса. Находились средства, возможности и время для ее осуществления. Без сомнения, мы сами рисуем свою жизнь, и неважно, какой ты художник, важен цвет мыслей.

Прошлое вытекает из будущего. К моему первому визиту в Индию я уже успела отучиться один курс и бросить столичный технический ВУЗ МИИТ, затем получить два образования (среднее и высшее), режиссёрское и актёрское; выйти замуж и развестись; родить, воспитать и отправить в армию сына; поработать в разных театрах актрисой; уйти из театра в никуда. Заниматься дизайном интерьеров и мягкой мебели. Испробовать свои силы в съёмочных группах в кино и таланты киноактрисы. Поиски не давали моим исканиям нужного эффекта. Всё чаще я закрывала глаза и концентрировалась на попытке унять дрожь от раздражающей окружающей меня действительности. Казалось бы, меня окружала обстановка квартиры с евроремонтом, имелась своя иномарка, интересная и хорошо оплачиваемая работа, живой и здоровый муж, сын, служащий в ВДВ, престижных войсках армии, счастливая предсказуемость благополучия в семье. Но это взгляд со стороны.

Мне стала всё чаще сниться далёкая страна из школьных воспоминаний, где фантазии не маскируются под реальных людей, а совершенно реальны, и я могу взаимодействовать с ними. Грёзы становились всё красочнее и заполнялись всё новыми деталями, пока я окончательно не уверовала в них и разрешила себе относиться к ним, как к самой реальности. Иллюзии моего песчаного берега моря, красочных экзотических деревьев, необычайных существ, метаморфозных персонажей – всё сливалось воедино и наслаждалось жизнью вместе со мной. Созерцания в мечтах превращались в желаемый волнующий мир и погружали в течение мыслей, оттачивающих мои намерения быть там, где они существовали. Мне нравилось их мистическое пленение. Там, в моей сказочной стране, летали птицы, свет был такой чистый, что он как будто резонировал со мной, звенел, подобно музыке, звучал бархатными низкочастотными мужскими голосами «ОМ».

А возвращаясь из грёз, я снова оказывалась в суетной Москве, на плоской земле. Здесь ничто не взлетало, а шумы быстро утомляли своей какофонией рёва машин от МК. Да, рычания самолётов, идущих на посадку перед моими окнами, скрипа металлических конструкций мусоровоза, людских голосов, визжащих детей и слякоти под тёмным низким серым небом. Уже замуривалась не от яркого блеска из моих грёз, а от однообразной той же реальности урбанистического техногенного мира роботов.

И я снова садилась за руль и ехала на работу, на киносъёмочную площадку притворяться живой. Лавины суеты заполняли очередной день, недели, месяцы. Заканчивался один проект, начинался новый, сняли один сериал, уже готовились к следующему. И у меня уже в процессе чтения сценария к горлу начинала подступать тошнота от, казалось бы, сытой, денежной и вполне благополучной творческой работы. Я голодала душой, креп мой подсознательный союз между мечтами и решительностью подняться вверх к чистоте света и не возвращаться.

Душа требовала перемен. Казалось бы, вполне благополучная безбедная жизнь, даже мама была довольна: у меня было «всё, как у людей»: жила в отдельной квартире в столице с мужем и сыном, работала на творческой работе, меняла автомобили, общалась с друзьями и посещала стандартный набор развлечений. Ездила отдыхать по миру в рамках пакетных или обзорных туров и экскурсионных маршрутов разных стран. Побывала в Европе, Африке, Азии. В некоторых странах не по разу. Мама не понимала, что за навязчивые призраки в голове её дочери вместо того, чтобы радоваться своему благополучию. Мною была уже словлена инфекция «томления духа».

Мне было так холодно, душно, тесно в стране, занимающей первое место в мире по территории. Осознание несовершенства окружающего меня мира не уживалось с моим подвижным разумом. Мне необходимо было убедиться во всём самой или опровергнуть опытным путём. В настоящем опыте оставалось только согласиться с *Салтыковым-Щедриным* «Если я усну и проснусь через сто лет, и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: *пьют и воруют...*»

Но ведь существует и другой мир: мир книг, где всякая человеческая жизнь – личная книга каждого. «Число возможных книг не ограничено, как и число звёзд. Каждый новый наследник добавляет новую главу или правит страницу предшественника» *Борхес*. Спасение я находила в чтении, книги держали мой устойчивый интерес, где через слово я могла путешествовать во времени.

Любой герой собственной жизни выбирает из массы одну из тропок, отмечая остальные, но есть люди-книжки, как Цюй Пен, выбравший все разом. Просто он не верил, в отличие от Ньютона и Шопенгауэра, в единое, абсолютное время. Он верил в бесчисленность временных рядов, сеть расходящихся, сходящихся и параллельных времён. Я могла хвалиться не собственными книгами, а прочитанными, как Борхес. И я чувствовала себя его героиней, стремившейся к невозможному, пытаюсь разгадать тайну бытия, вскрыть свой потенциал, создать себя лаконичной книгой. Книгой, где новизна возникает из комбинации слов, а не в новом сообщении.

Ибо уже Платон знал: «*Всякое знание не что иное, как воспоминание*». *И нет ничего нового под солнцем. Эклизиаст*

Главное, я по-прежнему была готова отказаться от всего ради Любви, которую я никак не находила. Я уже готова была броситься в океан и принять облик русалочки ради мужчины, которого бы я любила, или стать птицей, и тогда единственно возможное направление стало бы вверх. Только во снах я была так возвышенна и так полна восторгом, что реальность на контрасте становилась всё невыносимей. Особенно, когда приходили холода – и что ещё ужаснее для меня – морозы. Путешествия учат больше, чем, что бы то ни было. Иногда один день, проведённый в других местах, даёт больше, чем десять лет жизни дома.

Закончился очередной проект кино, в котором я отработала не только как художник-декоратор, но и сыграла эпизодическую роль лаборантки судмедэкспертизы. Несмотря на успех картины и решение продюсеров продолжить наш сериал, моё решение всё поменять окрепло. У меня появились несколько месяцев безбедной свободы, и наступал мне ненавистный период холодов, появилась возможность сбежать от них. Уже в заключительные съёмочные смены и приготовления к «шапке» (это весёлая церемония завершения кинопроекта, сопровождающаяся выпивкой, закуской, танцами, спокойным общением коллег и обсуждением новых планов в нерабочей обстановке), моя решительность подкреплена разговором с Люцией. Довольно странное и редкое имя этой девушки подтверждало её неординарность и соответствовало ей.

Она была особенной. Работала она с нами на проекте буфетчицей, так как ей всё равно было, кем поработать в кино. Ей просто хотелось познакомиться со съёмочным процессом, поучаствовать в этом:

– Знаешь, Алён, сейчас доработаем последнюю смену, и я снова хочу вернуться в Индию. Кино и съёмочный процесс я посмотрела, мне не понравилось.

– В Индию? Это моя давняя мечта. Наступают холода, и здесь мне остаётся только опять болеть, – удивлённо и с интересом я вступила в разговор, потягивая горячий чай из пластикового одноразового стаканчика, протянутого мне Люцией.

– Мечты надо реализовывать. Так учил мой гуру, когда я жила шесть лет в Пуне, в ашраме Ошо. А индейцы говорили, что люди заболевают от несбывшихся мечт, – продолжала она улыбаясь.

Трудно описать мои эмоции после её простых двух фраз. Мы с ней отработали целый 16-ти серийный проект, днями и ночами она выдавала мне кино-корм в пластиковых коробочках, наливала чай и кофе, изучив мой вкус (сколько кубиков сахара лично мне класть), а я не замечала среди рабочей суеты в буфетнице такого интересного человека?!

Я ощутила в себе умиравшую суетность и тут же погрузилась с интересом во внимание. Как мартышка, поедая конфеты, принялась расспрашивать её об Индии, и с каждым глотком менялся вкус чая. Поиски следов моих легендарных исканий себя все последние годы внезапно стали проявляться отпечатками моих ног на мокром песке берегов Аравийского моря, Бенгальского залива, в снегу гор Гималаев. Индия!? Ашрам? Ошо? Что это значит?

– Значения меняются в зависимости от страны и эпохи, – всё с тем же спокойствием и простой улыбкой говорила Люция. – Это как раньше считался путь через пустыню более безопасным, пока древние метеорологи не научились определять время муссонов, использовать ветер и плавать. Знания, которые раньше только ходили с караванами верблюдов, поплыли по заокеанским морям. Способы перемещения меняются, а риск есть в любом пути.

Далее для меня последовали открытия, равные запуску первого человека в космос. За короткое время разговора я перевоплощалась в разные образы: была религиозной паломницей, одинокой путешественницей, человеком-посланником Бога, проповедницей вероучения. Выписанные мной строки из книги автора Бхагават Шри Радшниша и гуру Люции, – Ошо, оказались одним и тем же человеком. Чтобы соразмерить колебания своего тела от получаемой

информации – а меня прямо захватывало и наполняло её влияние – я непроизвольно в течение всего разговора сворачивала короткие конфетные фантики в узелки, не придавая этому значения. Я была увлечена её рассказами. А. Люция в конце разговора указала мне на узелковую магию.

– Чего? Какая магия? – воскликнула я.

– Узелковая магия – это форма магии с использованием особым образом завязанных узлов. Такое завязывание узелков, как у тебя сейчас под руками, это отображение твоих пока абстрактных идей, концепций и мыслей, которые скоро обретут конкретную физическую форму. Смотри, – и она подняла сплетённую мной змейку из фантиков, держа её между нами на уровне глаз.

– Что это значит, Люция? Я из таких фантиков в детстве наплетала целые шторы в дверной проём.

– Считается, что количество, форма и расположение узлов может влиять на эффективность конкретной цели. Мощностность и интенсивность влияния может зависеть от материала. Эти бумажные фантики лишь обёртки к реализации задуманного, а я вижу, что ты уже в потоке.

На этих словах мне пришлось согласиться с моими коллегами киношниками, считающими Люцию более, чем странной девушкой. Однако менестрель Люция вдохнула в меня мелодии обновления и интереса к жизни. Подтолкнула к вектору нужного мне направления.

После разговора с Люцией в голове помчались образы городов и селений, выстроенных чередой грубых концентрических кругов и радиальных дорог, полноводных рек и мостов странных конструкций, при этом я ехала за рулём домой по известным дорогам города Москвы. На обочинах я замечала воркующих птиц и шипящих змей, яркие сари с контрастными узорами и лица с красными точками на лбу, разукрашенных слонов и каменных быков, конусные чалмы и разноцветные тюрбаны, пёстрые ковры и верблюжьи горбы. И при всём изобилии незнакомых мне образов наступала гармония, определялся мой путь. Люция стала катализатором давно запущенного во мне процесса.

В эту ночь я плохо спала. Мысли роились, как пчёлы на поле со сладким клевером. Образы прибывая, предпочитали оставаться спутанными. Лунный свет струился в комнату. Он бил мне в лицо и просачивался прямо внутрь моих видений. Как я могла забыть закрыть шторы? Подошла занавесить окно и обнаружила себя прозрачной в лунном свете, а, напротив, в отражении окна, я была с плотью, только поменявшаяся местами с призраком себя. И один мираж затенял другой. Замерев, я погрузилась в свой же сон, в мой другой мир, пытаюсь, стать всё меньше и меньше, как Алиса, надеясь в конечном итоге совсем исчезнуть здесь и оказаться там. Закрыла глаза и на автопилоте забралась под одеяло, стараясь не спугнуть мираж.

Пробудившись, я уже, как будто выплыла из забытья, где было так хорошо, с полной уверенностью в планах действий. Только тонкий запах джунглей с богатым ароматом экзотических специй (кориандра, корицы, куркумы, гвоздики) не покидали меня, хотя я ещё не знала, как они пахнут, но появилась самосоздаваемая сила обоняния. Реальный мир исчез, как будто растворился, а красота момента ещё не забытого мира грёз, из которого не хотелось выходить, вынуждала затаить даже дыхание, чтобы не спугнуть её. Я обращалась в свою веру.

Всё скрылось, как только раздался телефонный звонок, который и вернул меня в реальность. Только сейчас мне повседневность бытия перестала казаться незначительной. Разговор по телефону, произносимые имена, события в разговоре стали вдруг пустым звуком. Люди вокруг стали говорить и двигаться с некоторым взаимным пренебрежением, охватило гнетущее молчание. Процесс умывания под краном с ледяной водой превратился в омовение.

Я бы предпочла запутаться в череде пробуждений и снов, воспринимать их не как две формы существования, не как две противоположности, а как состояния, постоянно перетекающие друг в друга. Создавая при этом непрерывную череду волшебных ощущений.

Засыпай с мечтой – просыпайся с целью. Ты никогда не сможешь сказать, куда идёшь, только лишь – куда надеешься прийти.

Оскар Уальд писал: «Знание – гибель. Нас чаруют сомнения. Туман делает вещи чудесными» А. Леонардо да Винчи специально окуривал пространство, создавая загадочные образы, в которых нет точных форм, и их надо домысливать. Сфумато. Я сделала себе интересное предложение, точнее вызвала себя на поединок с собой.

Леонардо да Винчи опередил не только науку, далеко обогнав своё время, но и само время. Живя в XVI веке, он уже говорил о «жизненном воздухе», а через 300 лет Лавуазье открыл кислород. Построил модель планера, а через 400 лет стала развиваться авиация. Сам Леонардо родился в крестьянской избе у юной и весёлой красавицы Катарины во Флоренции. Мать умирает, и он попадает незаконнорожденным сыном в дом своего отца, нотариуса Пьеро да Винчи. Его обучают чтению, письму, арифметике, латыни, музыке. Но лучше всего у него получается рисование и лепка. Уже в 20 лет его провозглашают мастером. Искусство для него всегда было наукой. Он прослеживал взаимосвязь живописи с анатомией, оптикой, физикой и математикой. Мир для него был гигантской лабораторией. Он черпал знания из грёз.

Вот и я кожей ощутила связь времён и миров, мой угол видения поменялся, освободилась от давно тянувших меня вниз привязанностей и погрузилась в свой радостный мир грёз. Раздражение сменилось благодарностью за окончание уже пройденного пути. Началась новая эра.

В высших учебных гуманитарных заведениях моей страны знания истории культур преподавались с античности. Мне же захотелось начать с индийских джунглей. С древнейших вед. По жизни все знаки указывали мне моё личное направление. Так во Франции художник Поль Гоген в поисках «первобытного рая» бежал из Европы на остров Таити. Путь к духовному обновлению жизни многие мыслители видели в возвращении к природе. Лев Толстой звал к «опрощению». Американские трансценденталисты Р. У. Эмерсон, Г. Торо, Т. Паркер связывали свои духовные искания с природой. Жан Жак Руссо противопоставлял природу обществу, конфликт «естественности» природного состояния с «неестественностью» культуры и цивилизации. А. Махатма Ганди сделал домашнюю прялку – символом спасения от «машинизма».

Пришла уверенность, что я найду свою Индию в себе, как только захочу. Я считывала знаки своего собственного параллельного мира, грёз и фантазий, принявших чёткую форму. Там меня ждал Абу, время наступило. Прочь напрасные страдания, напряжения, усталость.

Я иду к тебе, мой Ангел. Ты ждёшь меня, я не знаю, как ты выглядишь, но я чувствую тебя! В моём воображении это был мой Леонардо: античного телосложения, участник состязаний и турниров. Отличный пловец, шутник, рассказчик, оратор. Любезный кавалер, танцор, певец, мыслитель. Такие люди появляются на Земле не чаще, чем раз в тысячу лет. Так чего я жду, в своей короткой жизни? Так я не только поддерживала интригу, интерес к манящей неизвестности, но и, наконец, открыла эти астральные врата для себя. Начала писать свою книгу жизни. «ОМ»

Уходя из кино, я уходила от статичных повторяющихся кадров, несмотря на каждодневную суетность бытия. Передо мной, наконец, открывалась полная панорама. Мне перестала быть интересной аудитория окружающих, среди них я не находила больше никаких эмоций. Мне перехотелось «творить» для кого-то, пришло время творить себя.

Я устала от кошмарных снов реальности, где меня выталкивают на сцену, когда я не знаю что там делать, что говорить, не зная роли, а публика ждёт, полный зал народа, глазеет, и жаждет искусственных зрелищ. Когда основа всех религий, ведическая истина (от слов: ведать, поведать, разведать) заменена кино-кормом. Мне необходимо стало омыть свое сердце, а не разрывать грудь на глазах у толпы.

Что это? «Это сознательность и мудрость? Или же пустота и самолюбие?» А. Н. Оуэн Разницы нет. Мои глаза распахнуты, я созерцаю некие видения. Видения превратились в реальность: выхожу на трап самолёта с приятельницей Полиной в маленьком военном аэропорту

Индии, Гоа – Даболиме. Полина, запыхавшись с первыми вздохами тропического воздуха, выглядит несчастной, а я, сделав первый шаг, несусь в водовороте восторга: «Я дома».

Я прилетела к искомой формуле: один плюс один равно один. Единение.

Жизнь не всегда дает вам то, что вы хотите. Но если вы присмотритесь внимательно, вы увидите, что она дает то, что нужно для роста. Главное правило реальности – не запутаться в своих иллюзиях.

Глава 3 Мой Гоа

«Всё, что должно произойти, обязательно случится. В нужное время. В нужном месте. С нужными людьми. Всё, что вы ретранслируете в мир, неизбежно возвращается назад»

Л. Хей. Проверено

Никогда меня ещё так не тянуло никуда. Нигде для меня не было столько интересов и непознанного, как в Индии. Каждый день удивления, впечатления. Всё находится и появляется беспрерывно и вовремя.

Для меня Индия открыла весь свой богатый спектр чувств, что позволяет нервным клеткам на бессознательном уровне ощущать истину, даже когда она ещё не доступна определениям и выводам. Свои собственные заблуждения и ограниченность я начала осознавать через интуитивное просветление. Интуиция – это то, чему невозможно научить. *«Интуиция – это нечто такое, что опережает точное знание» Н. Тесло*

Гоа, Индия. Предчувствия меня не обманули. Рассматривая оформление старого маленького военного душного аэропорта Даболим, набитого людьми, прибывающими целыми Боингами, под лопахми вентиляторами, вместо кондиционеров, толпа хаотично двигалась тесным потоком. Моя фигуристая приятельница Поля, блондинка с претензиями фыркала и декларировала запросы. Ей было необходимо посетить туалет, переодеться из тёплой одежды, переобуться, попить чего-нибудь холодного, и всё это должно случиться немедленно, или она готова, не выходя из аэропорта, вернуться назад в Россию.

У нас с ней были разные мотивации. Я приехала в Индию не просто отдыхать, как она, а жить, не искать любовь – а любить. Мой внутренний голос твердил, что именно здесь меня ждут глобальные перемены, что мистика началась. Волшебство параллельности мира обняло меня и приласкало. Тропический запах гоанского воздуха насыщал мои лёгкие и передавал сигналы в мозг дышать глубже. Это как попасть с морозной улицы в тёплое фойе театра в предвкушении хорошего спектакля.

После всех необходимых формальностей, все погрузились в автобус и отправились. Трансфермен что-то вещал в микрофон. Мало кто его слушал, я не спала, как многие, но и не слушала. У меня восторг предвкушений сбивал моё дыхание. Светало. Смотрела в окно. Полина спала рядом на сидении.

Движение левостороннее, а я по привычке российского автомобилиста выглядывала дорожные знаки справа и не находила их. Рекламные щиты пестрили английскими буквами и белокожими людьми. На дороге ситуация менялась каждую секунду, неожиданности подстерегали со всех сторон. На дорогах мотоциклов больше, чем машин. Средняя скорость 40 км/час.

Успокаивающая невозмутимость водителя автобуса свидетельствовала о высоком профессионализме. Колониальная архитектура домов, белые кресты во дворах или странные квадратные клумбы с одиноким кустом. Как потом оказалось, по этим признакам перед входом можно узнать религию хозяев.

Стоящие на обочине дороги дети школьного возраста в одинаковых униформах, девочки с бантами в косичках, как в моём детстве. Женщины в контрастных, узорчатых разноцветных сари и длинных лёгких шарфиках. Всё меня улыбало, лаская взгляд, какой-то давно забытой нежностью.

Картинки быстро менялись, и я старалась даже реже моргать, дабы не пропустить кадров первого знакомства с давней мечтой впечатляющих мгновений.

Вот мужчина в майке с торчащей зубной щёткой во рту и белыми подтёками пасты на смуглой коже объясняет кому-то дорогу. Другой в это же время стоит не далеко и прямо с дороги отливает, не прячась и никого не стесняясь. Бедный, – подумала я, жалея его, – совсем больной, наверно, раз так приспичило с утра и при всех.

Кто-то из окна обогнавшей и подрезавшей наш автобус машины, выбросил пустые жестяные банки и пластиковую бутылку на обочину дороги. Идиоты и здесь есть, – буркнула я.

Чёрно-жёлтые рикши, – надо будет прокатиться, – решила я.

Вот какой-то индийский мужчина сплёвывает красно-оранжевую жидкость на дорогу. Перепил, наверно, тошнит, плохо ему, – посочувствовала я.

Вот целая толпа женщин с ношами на голове, перевязанными тряпками через плечо, а в них голые чумазы дети. И здесь полно цыган, – отметила я.

Вот посреди дороги идут коровы, с верблюжьими горбами. Какие странные, – внимательно ее всматривалась я, – вот почему они священные здесь, может и молоко у них особенное, – задумалась я.

Вот собака лежит прямо на проезжей части дороги и все её объезжают. Глупый пёс, не задавили бы, – сморщилась я.

Вот широкая полноводная река и два моста через неё и по каждому из них снуют автомобили. Ого! Какая красота, – подумала я, – странно, почему два параллельных, автомобильных моста и с двухсторонним движением? – удивилась я.

Причудливые храмы, разноцветные дома, люди и животные мелькали перед глазами со скоростью рекламного клипа. Звуки клаксонов, запахи рыбы и специй, всё вскружило мне голову, и я подняла глаза и стала смотреть на небо.

Чистое светлое небо в ноябре, без единого облачка, слепящее светом бескрайнего простора. Вдруг в мою картинку влетел огромных размеров орлан, с метровым размахом крыльев, не меньше! О, принц сил воздуха! Мы поймали взгляд друг друга, поменялись местами, и больше я не спускалась с небес. Будто он специально был кем-то направлен ко мне, – летал кругами перед моими глазами, не выходя из поля зрения. Он внёс в моё состояние чувство реальной свободы, ободряющей уверенности и парения над всей этой суетной жизнью. Я стала видеть его глазами, я стала птицей в человеческом облики. Я поняла – в Индии надо смотреть на небо, а не на землю!

Утро рассвело так же быстро, как и мои надежды. На солнце засверкала серебряная нить света, связующая мою душу с телом. Ранее утро, а на улицах многолюдно, уже работают придорожные брадобреи, метут и поливают водой около палаточных городков. Значит, въехали в туристическую зону, – поняла я.

Все ездят, ходят, стоят, разговаривают, ползут и прыгают на одной и той же дороге, тротуаров нет. Опасненько, – запомнила я.

Вокруг не догоревший мусор и пепел на красном фоне земли. Какой красный цвет у земли, может такой после пожара? – спросила себя я.

Тут же перед самым автобусом перебежали дорогу разноцветные поросята за упитанной тушкой мамыши. Это так оживило меня, что я стала призывно показывать на них Полине, но она по-прежнему спала.

Мимо проносились рейсовые обшарпанные, старые автобусы с темнокожими людьми и торчащими головами из открытых окон, в упор рассматривающих нас с откровенным интересом и улыбкой.

Вот дети, как по команде махали нам руками, улыбались и кричали «Хай». Некоторые растерянные туристы не зная как реагировать, кто-то робко пытался повторить движение рук детей и выкрикнуть «Привет», только улыбка выходила жалостливой и уставшей. А некоторые зыркали в окна с растущим раздражением и ужасом в глазах. Действительно, красота в глазах смотрящего. Кандолим, Калангут, Бага – районы севера Гоа мелькали за окном. Мы приехали.

Наш мир – это волшебное и воодушевляющее место. Достаточно поверить в это. Инстинкты меня не подвели, здесь, среди экзотических звуков и запахов, новизны ощущений, моё «Я» проявило удивительную реакцию – немедленно обрело уверенное чувство направления. Заселились.

Единственное, к чему мне оказалось сложно приспособиться в Гоа – это к постоянному прайм-тайму, в постоянном не ослабевающем с течением времени суток охвате зрителями и слушателями моей личности. Движуха не заканчивается долгожданным голосом кинорежиссёра, «снято». Безлюдных мест просто нет, уединиться некуда, личного пространства тоже нет. Нет разграничений на сцену и зрительный зал. Узнав, что Индия перенаселённая страна и что на 10 мужчин приходится всего 7 женщин, становилась понятной дикая потребность мужского населения в женщинах. Но мне самой вполне хватало явных признаков своего реального желанного существования здесь, без их назойливого повышенного внимания. Спокойно, – потребовала от себя я.

Ещё ни в одной стране я не испытывала таких эмоций, ни на что не похожих, всё было впервые. *Бродский* сказал: «*Всякое эстетическое переживание есть переживание частное*» Полина восприняла окружающее, как наказание изгнанием, а я попала в свою сказку. У нас с ней вместе уже был опыт путешествия, обзорный тур по стране Марокко.

Город Фес, где мусульманин не стеснясь менял жену на верблюда, а наш гид спокойно пояснил, что это в порядке вещей и она сама виновата, либо гулящая, либо бесплодная; Маракеш с заклинателями змей на центральной городской площади; Касабланка с мечетью, куда пускают даже женщин ради туризма; Агадир, где я утопила любимые солнцезащитные очки и где мы пили сладкий горячий чай, который наливается, высоко подняв чайник, над маленьким стаканчиком и появляется пенка. Где мы познакомились с двумя молодыми красивыми, нищеводными берберовцами, которые говорили на трёх языках, т. к. это бывшая французская колония и жаждущими поиметь нас и наши деньги... В целом поездка была познавательной, но желание вернуться ещё раз не возникало.

Индия просто вскрыла меня! Все наши недостатки и добродетели неразделимы в нас, это сущность каждого. А вот что отзывается в душе эхом, что будет резонировать – зависит от наполненности самого человека.

Гоа. Дорога от отеля на пляж шла через свалку в человеческий рост. Здесь была своя иерархия, кастовая система фауны. Некоторые из коров были с противоестественно раздутыми животами, слюнявые и грязные, но не агрессивные. Они молча, чинно и усердно пережёвывали всё, что можно было жевать: пластиковые пакеты, бумагу от пирожков и даже фольгу. Из кустов лёжа и лениво ожидала стая собак своей очереди на завтрак, остатков после коров. Сверху на деревьях вороны аппетитно роняли слюни. Полина испытывала культурный шок от всего происходящего:

– Куда мы попали?! Это ж, средневековая российская деревня среди пальм!

– Не только пальмы, смотри, Тамаринд индийский. Вечнозелёный, семейство бобовых. Тропическое дерево, у нас таких нет, – так старалась отвлечь её от раздражённых мыслей, но она не поддавалась:

– Мало того, что нам предстоит жить три недели в этом сарае с холодной водой, без кондиционера, с обшарпанной мебелью, двумя вешалками на двоих, шлангами из стены у унитаза, пластиковым ковшиком, со свечами вместо электричества. Мало нам завтрака из тоста с чаем и джемом в пластиковом спичечном коробочке, а то и меньше! Мало нам муравьёв и летающих тараканов в нашей хижине! Так и на пляж надо пробираться по мусорным тропам через свалочных вонючих коров и собак. Что за трущобы? Куда ты меня притащила? Я даже боюсь себе представить, что тут за море...

– Поляночка, не нагнетай. Посмотри, вокруг! Доверься. Это же гегемония естественных законов. А у нас с тобой есть шанс продолжить шлифовать свои грубые грани совместимости. Воплотим все отпускные фантазии в реальность, поверь, – убеждала я приятельницу.

Но я думала уже о том, что люди ничего не имеющие общего друг с другом вынуждены смешиваться из-за обстоятельств, и я почувствовала некоторую несовместимость в самой себе. Зря я пренебрегла советом *Хемингуэя* «*никогда не путешествуйте с теми, кого не любите*». Нет, к Поле отношение не поменялось, но и близкой подругой назвать её я не могла. Однако, компания всё-таки тогда была для меня лучше, чем одной, а выбирать не приходилось. Одним словом, Поля не была очарована Гоа, как я – а, скорее, разочарована:

– Да уж лучше толкаться в переходах метро. Лучше уж в грёбаной морозной Москве, под покровом серого неба со смогом и без солнца, чем три недели в этом Богом забытом вонючем, курорте международного уровня, – саркастически констатировала она. Тропы сплелись вокруг нас, извиваясь, как змеи. Мы дошли до пляжа в ожидании каждая своего моря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.